

АША-РИ

Артак Маргарян

Артак Маргарян

Аша-ри 3

<https://litres.ru/74098513>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рим. Железная хватка

Пять лет прошло с тех пор, как Феб вернулся из Вечного города — полуживой, полумёртвый. Римма надеялась, что худшее позади. Но в их дом приходит чужак по имени Марк и предлагает сделку: украсть первый огонь Вечного города, чтобы вернуть Фебу жизнь. Цена — их четырёхлетняя дочь Кира, в которой течёт кровь древней Волчицы. Девочка слышит то, чего не слышат взрослые, и знает: Марк что-то скрывает. Внизу, на Дне Памяти, пробуждается Аша-ри — та, что когда-то выкормила основателей Рима. Она устала помнить и готова либо уничтожить Город, либо обрести свободу. Римме предстоит выбор, в котором нет правильного ответа: спасти мужа — или защитить дочь. Но Кира знает третий путь. И он изменит всё.

Артак Маргарян

Аша-ри 3

РИМ. ЖЕЛЕЗНАЯ ХВАТКА

Пролог

Тот, кто помнит всё

Где-то на дне Вечного города, куда не доходят даже тени, спала волчица.

Она не была живой в том смысле, в каком живы звери из плоти и шерсти. Она была памятью, принявшей форму. Когда-то у неё было имя — Аша-ри, — но Вечный город стёр его с камня и с языков. Оставил только функцию: хранить первый огонь. Тот самый, от которого зажглись все очаги Рима — настоящего и не очень.

Спала она не в тишине. Вечный город никогда не молчит. Сквозь её сон текли голоса: центурионы выкрикивали команды на мёртвых языках, матери оплакивали детей, поэты бормотали незаконченные строки, императоры задыхались от яда. Она слышала их всех — сразу, вечно, без пауз.

Но в последние годы появился новый звук. Тихий, настойчивый, как удары сердца.

Тук. Тук. Тук.

Это билась нить. Одна-единственная, вплетённая в ткань реальности совсем недавно, — нить женщины по имени Римма.

Волчица знала о ней. Знала, что в жилах Риммы течёт её, волчицы, древняя кровь и кровь первого царя. Знала, что Римма умеет пряхть реальность, как другие прядут шерсть. И знала, что Римма любит человека, который уже наполовину принадлежит Смерти.

Имя его было Феб.

Когда-то волчица тоже любила. Правда, тех, кого она любила, звали Ромул и Рем, и один из них убил другого. С тех пор она и спит на дне — потому что бодрствовать слишком больно.

Но теперь нить Риммы дёргалась всё сильнее. Мир живых звал. И волчица впервые за много веков пошевелилась.

Ей предстояло решить: проснуться и разрушить всё —

или проснуться и всё спасти.

Она ещё не знала, что выберет.

Глава 1

Простая жизнь

Пять лет — достаточный срок, чтобы забыть, как пахнет Вечный город.

Римма почти забыла. Иногда, просыпаясь среди ночи, она ловила себя на том, что принюхивается — не тянет ли из углов спальни сырой землёй и ладаном. Но пахло только деревом, книгами и чуть-чуть шерстью Ромула, старого рыжего кота, который спал в ногах.

Феб лежал рядом — на спине, с открытыми глазами. Он больше не спал. С тех пор как вернулся из Вечного города, сон перестал быть необходимостью. Как и еда, как и тепло. По ночам он просто лежал и смотрел в потолок, а под утро исчезал — на час или на целый день, он сам не знал точно. Возвращался выцветший, с потускневшими глазами. Говорил: «Город звал».

Римма не спрашивала зачем. Боялась услышать ответ.

Этим утром она проснулась от того, что Ромул — не кот, а основатель Нового Рима, бывший консул и по совместительству её бессменный советник — барабанил в дверь.

— Римма! У нас гость. И он не из живых.

Она накинула халат и вышла в гостиную. Там, у книжного шкафа, стоял незнакомец. На вид — лет тридцать, светлые волосы, острые скулы. Одет в современное, но что-то в нём было не так. Слишком неподвижное лицо. Слишком тёмные зрачки. И запах — едва уловимый, как после грозы.

Феб, уже материализовавшийся из воздуха за её плечом, произнёс одними губами:

— Он из Города. Но не тень.

Незнакомец коротко поклонился — неуловимо старомодно, так кланялись лет двести назад.

— Меня зовут Марк. Я пришёл просить убежища. И предложить сделку.

Римма переглянулась с Фебом. Он едва заметно покачал головой: не верь. Но Ромул уже выдвигал гостю стул, а кот Ромул прыгнул с подоконника и уселся напротив, разглядывая пришельца янтарными, слишком умными глазами.

— Говори, — сказала Римма.

Марк улыбнулся — вежливо, но как-то слишком прицельно, будто репетировал.

— Я знаю, как вернуть Феба к жизни. По-настоящему. Но для этого нам придётся украсть кое-что у Вечного города.

Феб замер. Римма почувствовала, как холод пробежал по позвоночнику — тот самый, из пещер, из глубин, откуда не возвращаются.

— Что именно? — спросила она.

— Первый огонь, — ответил Марк. — Тот, что зажгла Волчица.

В комнате стало тихо. Только Ромул-кот негромко заурчал, будто услышал что-то знакомое и давно забытое.

— А взамен? — спросила Римма. — Что ты хочешь вза-

мен?

Марк снова улыбнулся. На этот раз в улыбке мелькнуло что-то голодное.

— Я хочу, чтобы Город наконец замолчал. Совсем.

В комнате повисла тишина. Ромул-человек замер, не донеся чашку до стола. Ромул-кот перестал мурлыкать и насто-рожил уши.

И в этой тишине из глубины квартиры послышались ша-ги — лёгкие, босые, чуть неуверенные. Дверь спальни при-открылась, и в гостиную вошла Кира.

Ей было четыре года. Светлые, как у отца, волосы спута-лись после сна. Глаза — серые, с золотыми крапинками, — смотрели на мир с той особенной, пугающей прямоотой, ка-кая бывает только у детей, которые видят больше, чем им положено.

Она остановилась на пороге и посмотрела на Марка. Не на мать. Не на отца. Сразу на гостя.

— Ты пахнешь как подвал, — сказала она.

Римма вздрогнула. Феб едва заметно напрягся. Марк, напротив, остался спокоен. Только брови чуть приподнялись.

— Прошу прощения?

— Как подвал, — повторила Кира. — Где старые вещи лежат. И ещё как дым. Ты был там, где дым.

Она говорила без страха, просто констатировала факт. Так она всегда делала — с тех пор как научилась говорить. Иногда Римме казалось, что Кира видит людей насквозь, прямо в ту тёмную сердцевину, которую взрослые прячут даже от себя.

Феб подошёл к дочери и взял её на руки. Девочка тут же обхватила его за шею, но продолжала разглядывать Марка.

— Это гость, — сказал Феб спокойно. — Он уже уходит.

— Я бы предпочёл остаться, — возразил Марк. — У нас серьёзный разговор.

— Разговор подождёт. Кира, пойдём, я сделаю тебе какао.

Феб вышел с дочерью на кухню, и Римма услышала, как Кира что-то зашептала ему на ухо. Она не разобрала слов,

но Феб ответил тихо: «Знаю. Не бойся».

Римма перевела дыхание и повернулась к Марку.

— Ты сказал — украсть первый огонь. Как?

Тот откинулся на спинку стула. Теперь, когда Феб вышел, он позволил себе чуть больше вольности — во взгляде, в позе, в интонации.

— Есть место, где Вечный город соприкасается с нашим миром. Не вход для мёртвых — вход для живых. Он спрятан глубоко, и дорога туда опасна. Но я знаю путь. Мне нужна ты, Римма. Твоя способность переплетать реальность. И ещё...

Он замолчал, словно обдумывая, стоит ли продолжать.

— И ещё мне нужна девочка.

Римма почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Что?

— Твоя дочь — наследница двух линий. В ней течёт кровь Волчицы и кровь Проводника. Она может открыть дверь, которую не откроет никто другой. Я не причиню ей вреда. Ей

просто нужно будет постоять на пороге. Только и всего.

Ромул-человек, всё это время молчавший, встал. Он был стар, его суставы давно поскрипывали, но сейчас в его движениях не было ни капли дряхлости. Только холодная, веренная угроза.

— Ты предлагаешь нам отдать ребёнка в качестве ключа,
— проговорил он. — И надеешься, что мы согласимся?

— Я надеюсь, — ответил Марк, — что вы любите Феба достаточно, чтобы хотя бы обсудить это.

С кухни донёсся звонкий смех Киры. Она рассказывала что-то отцу — про облака, про завтрак, про всё то обычное, из чего состоит детство. Римма слушала её голос, и в груди у неё сжималось что-то тугое, горячее.

Пять лет назад, когда Феб вернулся из Вечного города — полуживой, полумёртвый, прозрачный на свету, — она поклялась себе: сделаю что угодно, чтобы он остался. По-настоящему. С бьющимся сердцем, с тёплой кожей, со сном по ночам. Они даже рискнули родить Киру, хотя врачи разводили руками: как? от кого? Феб не был живым в полном смысле слова. Но Кира родилась. Живая, настоящая, слишком зрячая.

И вот теперь кто-то говорит ей: чтобы спасти Феба, нужно рискнуть Кирой.

Нет. Нет, так не пойдёт.

— Уходи, — сказала она. — Прямо сейчас.

Марк не стал спорить. Поднялся, одёрнул рукав, взял со стола перчатку, которую перед этим снял.

— Я остановился в гостинице «Три тополя», на окраине. Буду ждать три дня. Если передумаешь — ты знаешь, где меня найти.

Он задержался в дверях и бросил через плечо:

— Кстати, Волчица знает о девочке. И она тоже ждёт.

Дверь закрылась. Римма осталась стоять посреди комнаты, глядя на пустой стул. Ромул подошёл к ней и осторожно тронул за плечо.

— Мы не отдадим её. Никому.

— Знаю, — сказала она. — Но он сказал «Волчица ждёт».

Что, если он прав? Что, если Аша-ри уже тянется к Кире, а мы даже не знаем?

Из кухни вышел Феб. Кира сидела у него на руках и додала печенье. Вид у Феба был спокойный, но Римма слишком хорошо его знала, чтобы не заметить: пальцы, сжимающие дочь, побелели.

— Она сказала, что этот человек пахнет дымом, — произнёс Феб. — Я был в Вечном городе достаточно долго, чтобы знать этот запах. Так пахнет не просто тень. Так пахнет тот, кто заключил сделку с Городом. И уже однажды проиграл.

Кира дотянулась до отцовского лица и погладила его по щеке:

— Не бойся. Я сильная.

И Римма вдруг поняла: девочка говорит это не чтобы утешить. Она действительно знает, что она сильная. Как будто уже видела то, с чем ей предстоит столкнуться. Как будто ждала этого.

Страх ледяной иглой прошёл сквозь сердце Риммы. Но вместе с ним пришла и ясность: если Волчица ждёт, если Город хочет получить Киру, если Марк вернётся через три дня

— значит, у них есть три дня, чтобы всё выяснить. Что такое Аша-ри на самом деле? Чего она хочет от ребёнка? И можно ли освободить Феба, не отдавая дочь?

— Ромул, — сказала она, — поднимай архивы. Всё, что у нас есть по культу Волчицы. Даже то, что мы считали мифом. Феб...

— Я знаю, — перебил он. — Мне нужно вернуться в Город. Поговорить с тенями. Если Марк заключал сделку, кто-то на Дне Памяти должен знать его настоящее имя.

— А ты? — он посмотрел на Римму. — Что будешь делать ты?

Она взяла Киру на руки. Девочка тут же прижалась к ней, тёплая, живая, пахнувшая молоком и печеньем.

— Я буду сидеть с дочерью. И слушать. Она слышит больше, чем мы. Может быть, она уже знает дорогу.

Кира подняла голову и улыбнулась:

— Она зовёт тебя.

— Кто?

— Волчица. Она говорит: «Пусть Римма придёт». Но ты не ходи. Она хитрая. Как лиса. Только большая.

И тогда Римма поняла: третья книга началась всерьёз.

Глава 2

Кира

Кира проснулась раньше всех.

Так бывало часто: она открывала глаза, а в комнате ещё стояли сумерки, и даже кот Ромул не просыпался. Мама говорила — это потому, что Кира наполовину папина, а папа вообще не спит. Но Кира знала: она просыпается не из-за папы. Её будила волчица.

Волчица жила внутри. Не снаружи — внутри, под рёбрами, где-то слева, не в самом сердце, а рядом. Иногда она молчала неделями. Иногда начинала ворочаться, и тогда Кире становилось тесно в собственной коже. Волчица не говорила словами — она показывала. Картинки. Запахи. Вкусы.

Сегодня ночью она показала человека по имени Марк. Того самого, который вчера сидел в гостиной и пах дымом. Волчица показала его совсем другим: молодым, испуганным, стоящим на коленях перед огромной каменной чашей с синим огнём. Марк что-то обещал огню. Огонь обещал ему что-то взамен. Кира не поняла слов, но ей стало холодно. Так холодно, что пришлось проснуться.

Теперь она лежала в кровати и смотрела в потолок.

— Ты его боишься? — спросила она тихо. Спросила внутрь, туда, где ворочалась волчица.

Волчица не ответила. Но Кира почувствовала: она не боится. Она злится. И ждёт.

Кира сползла с кровати и босиком прошлёпала на кухню. Ромул-кот сидел на подоконнике и смотрел в окно, на серое утро.

— Привет, — сказала она коту.

Кот медленно моргнул янтарными глазами. Он не умел говорить — только с папой и мамой, — но Кира всегда понимала его без слов. Сейчас он говорил: ты рано. что случилось?

— Волчица показала плохого человека. Того, который вчера приходил.

Кот насторожил уши. Потом спрыгнул с подоконника, подошёл к ней и ткнулся головой в голую щиколотку. Кира села на пол и обхватила его обеими руками. Шерсть была тёплой и пахла пылью.

— Он сказал, что я нужна, чтобы открыть дверь, — прошептала Кира. — А мама рассердилась. И папа испугался.

Кот заурчал громче — так он всегда делал, когда хотел, чтобы она перестала бояться. Но Кира и не боялась. Ей было странно. Волчица внутри неё хотела, чтобы дверь открылась. Но волчица не хотела, чтобы её открывал Марк.

Взрослые думали, что Кира не понимает. Она понимала всё. Понимала, что папа наполовину мёртвый и каждую ночь уходит в место, которое называется Вечный город. Понимала, что мама умеет прять реальность, как бабушка прядла шерсть в деревне, куда они ездили прошлым летом. Понимала, что в ней самой течёт кровь волчицы, и эта кровь — причина, по которой Марк пришёл.

Но она не понимала только одного: почему волчица хо-

чет, чтобы Римма пришла, если это опасно? Волчица ведь не враг. Она часть Киры. Она кормила Ромула и Рема. Она — начало всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.